

это название было, по-видимому, распространено и на Москву, входившую сначала в состав Владимиро-Суздальского княжества, а с возвышением Москвы стало автоматически прилагаться ко всему ареалу ее политического влияния. Так в составе «Залесских» оказались в нашем Списке и новгородские и псковские города. Смоленское происхождение топонима «Залесский» подкрепляет наше предположение о Смоленске как месте составления Списка.

Возвращаясь к проблеме ориентирования автора Списка, заметим, что по такому «центрическому» принципу строились многие географические описания до проникновения в них новой, гораздо более поздней системы географического ориентирования — картографической, когда географическое пространство, перенесенное на карту, ослабляя у зрителя реальное, на личном ощущении основанное восприятие пространства, дает ему возможность мысленно обозреть землю вне зависимости от места его настоящего местонахождения³⁴.

Вывод о смоленском происхождении «Списка русских городов», основанный только на рассмотрении системы ориентирования его автора в географическом пространстве, нуждается, естественно, в историческом обосновании: в частности, необходимо изучить место Смоленска в политике митрополичьей кафедры XIV в., связи Киприана с церковными и политическими кругами Смоленска, состояние культуры Смоленска в это время и др. Все это выходит за рамки настоящей работы.

³⁴ Отражением второй системы ориентирования на русской почве является, например, «Книга Большому Чертежу», перечисление которой, несомненно, построено на южноориентированной карте. Типологически близким нашему Списку можно считать перечень стран в шумерском гимне о торговле Тильмуна (последняя треть XIX — начало XVIII в. до н.э.), где «при перечислении автор употребил типично шумерский прием, т. е. прием центростремительной последовательности: начиная с территории наиболее удаленных, он переходит к все более ближним областям» (*Комороци Г.* Гимн о торговле Тильмуна.— В кн.: Древний восток, вып. 2. Ереван, 1976, с. 15). Обнаружение этого приема позволило венгерскому ученому сделать ряд важных выводов относительно центра торговли древнего Шумера. Одним из ранних отражений этой системы на античной почве могут служить географические описания древнегреческих авторов до Птолемея (например, Геродота и Страбона), для которых центром и исходной точкой их описаний всегда оставалась Греция; контрастом по сравнению с этими авторами выглядит Птолемево перечисление географических объектов, отталкивающееся от карты и потому не дающее фиксированной позиции наблюдателя в рамках описываемой территории. Из средневековых географических описаний, родственных в этом плане Списку, следует отметить географию «Равеннского анонима» (VII в. н.э.); перечисление городов и стран здесь направлено, как и в нашем Списке, от отдаленнейших окраин ойкумены, омываемых океаном (*juxta Oceanum*), к центру *orbis terrarum*, который, как убедительно показал К. Миллер, находится для неизвестного автора из Равенны не в Иерусалиме, что обычно для средневековых *mapae mundi*, а в месте нахождения автора — Равенне, «von wo aus er seine Blicke gegen den Horizont richtend befand» (*Miller K.* *Mapae mundi. Die ältesten Weltkarten*, Bd VI. Stuttgart, 1898, S. 53).